Т.В. ЧЕРНИЦЫНА, Е.В. ХРИПУНОВА, Г.В. ВОРОБЬЕВА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (прагмалингвистический аспект)

Раскрывается содержание понятий «коммуникативное поведение», «коммуникативная стратегия». В результате прагмалингвистического анализа русского национального коммуникативного поведения героев художественной прозы, реализованного в коммуникативных стратегиях похвалы и порицания, выявлены общие и отличительные черты их функционирования в прозе двух русских писателей, разделяемых столетием: К.Н. Леонтьева и В.М. Шукшина. Основное внимание акцентировано на сопоставлении положительной и отрицательной семантики данных коммуникативных стратегий, для чего проанализированы материалы, содержащие единицы оценочной лексики.

Ключевые слова: *коммуникативное поведение, коммуникативная стратегия, похвала, порицание, положительная оценка, отрицательная оценка, оценочная лексика.*

Коммуникативное поведение – внешняя область деятельности человека. Оно является маркером исторических, социальных, культурных процессов в обществе. При этом нельзя оставить без внимания и национальный аспект речевого поведения. Ю.Е. Прохоров определяет национальное коммуникативное поведение как совокупность норм и традиций определенной многокультурной общности [7, с. 42]. Л.В. Куликова под национальным коммуникативным стилем понимает устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка [4, с. 145].

Каждая лингвокультура отражает определенные коммуникативные ценности, принятые в конкретном национальном сообществе. Если говорить о русской лингвокультуре, то к таким ценностям исследователи относят «общительность, искренность, открытость, прямоту, естественность, эмоциональность, скромность, духовность, соборность, общинность» [3; 5; 6; 8; 9; 10].

В данной статье мы попытались рассмотреть русское национальное коммуникативное поведение в прагмалингвистическом аспекте. Материалом для данного анализа послужили произведения русских писателей К.Н. Леонтьева и В.М. Шукшина. В прозе этих писателей, чье творчество разделено столетием, дается панорама жизни российского общества XIX в. и советского общества XX в. И Леонтьев, и Шукшин описывали схожие социальные слои. Это крестьяне (XIX в.) и колхозники (XX в.), разночинцы и мелкопоместные дворяне у Леонтьева и рождающаяся в муках интеллигенция советской формации у Шукшина – два мира, отстоящие друг от друга на столетие. Что изменилось, а что сохранилось? Какие ценности оказались незыблемыми, а какие не вытерпели испытания временем и временами? По выражению Гумбольдта, язык народа – его дух. И нагляднее всего коммуникативные ценности могут быть проиллюстрированы коммуникативными стратегиями похвалы и порицания. Рассматривая коммуникативные стратегии в аспекте прагмалингвистики, науки, изучающей язык как средство воздействия, необходимо заметить, что акт коммуникации является результатом столкновения и взаимодействия интенций (лат. intentio – «намерение, замысел») двух или более участников речевого общения [15, с. 17].

Целью речевого общения в коммуникативных ситуациях похвалы и порицания в произведениях В.М. Шукшина является выражение положительной или отрицательной оценки в отношении деятельности, способностей, жизненной позиции, внутренних и внешних качеств человека [Там же, с. 19]. Язык художественного произведения есть отпечаток сущности личности писателя, его авторской установки, его индивидуальной картины мира. Анализ творческого наследия В.М. Шукшина свидетельствует о том, что жизненной позицией писателя было утверждение достойного образа жизни человека, для которого смыслом существования были труд и поиск истины, правды жизни. Через отрицание «изнанки жизни», которую писатель неоднократно описывал в различных проявлениях – пьянство,

© Черницына Т.В., Хрипунова Е.В., Воробьева Г.В., 2017

грубость, хамство, равнодушие, лень, – его герои делают нравственный выбор, посредством слова как объекта рефлексии и оценки выражают свое приближение к истине, т. е. нравственности (по словам Шукшина, нравственность – вот правда, вот истина).

Яркими специфичными чертами идиостиля В.М. Шукшина исследователи справедливо называют народность, разговорность, диалогичность [11]. Этим объясняется тот факт, что просторечная лексика в его творчестве занимает значительное место. Она отличается от литературной лексики большей выразительностью, эмоциональностью, поэтому «объемно» характеризует человека, его поведение, восприятие людей и отношение к нему окружающих. Писатель использует ее чаще всего в диалогах персонажей как яркое оценочное средство для наименования лиц, их характеристик, оценки другими персонажами: *лысан, бестолочь, бугай, вертихвостка, горлопан, лоботряс, побирушка, трепач, сварганить, звезданути, дроболызнуть, жогнуть, вздрючиваться, загнуться, окочуриться, долдонить, вякать, башковитый, незанозистый, шебутной.*

Эти примеры свидетельствуют о том, что В.М. Шукшина интересует человек в те моменты, когда он может быть «простым», непосредственным, поэтому эмоционально-оценочная лексика в его прозе выполняет важную художественную задачу – показывает естественные, неподдельные проявления человека.

В прозе К.Н. Леонтьева также представлена разговорная живая речь его времени. Но эстетизм, бывший неотъемлемой частью мировоззрения писателя, накладывает свой отпечаток и на его произведения. Речь его героев более сдержанна, благообразна, не так наполнена простонародными словами и выражениями, как шукшинские «писания». У Леонтьева нравственность рассматривается как краеугольный камень, фундамент личностного мировоззрения его героев. Принципиальным отличием в оценочной лексике, используемой Леонтьевым, является превосходство нейтрально окрашенных лексических единиц: *хорошенькая, красавица, славный человек, человек добрый, смирный,* хотя писатель использует и разговорную лексику (в несколько смягченном по сравнению с прозой Шукшина варианте): *бедовая девчонка, экая гладкая, душенька, мордастенькая, глазишки, приволокнуться.* Встречаются и морфологические архаизмы: *остромысленный*, варваризмы *(Ist er nicht ein flinker Bursch – he? – А ведь он бойкий парень – а?; Quelle charmante enfant!),* чего не наблюдается в произведениях Шукшина.

Исследуя прозу В.М. Шукшина и К.Н. Леонтьева, мы обратили внимание на ещё один принципиальный аспект использования коммуникативных стратегий похвалы и порицания.

Положительная оценка в прозе В.М. Шукшина дается по самым разным поводам (интеллектуальные способности человека, его образ жизни, поведение, образованность; речь как проявление внутреннего мира; проявление его отношения к труду, собственности и окружающим людям; физические данные) и, таким образом, отражает самые разные типы оценок: морально-этическую, психологическую, эстетическую, гедонистическую. Анализ коммуникативных стратегий по критерию «функциональное назначение», отражающих коммуникативную цель похвалы и порицания, показал, что как положительная, так и отрицательная оценка «дается» в прозе К.Н. Леонтьева прежде всего за моральные качества (доброта – 16%) и внешнюю привлекательность (17%), причём предпочтение отдается не утилитарному, а эстетическому аспекту: красота для писателя важнее, чем физическая крепость и здоровье. Если рассматривать оценочную лексику похвалы, то наряду с положительной оценкой интеллекта, моральных и душевных качеств, присущих и прозе Шукшина, в повестях Леонтьева мы наблюдаем и самопохвалу (7,6%), похвалу за манеры (5,08%), доблесть (1,7%), хозяйственность (2,5%), простоту души (2,5%), смирение и благородство (по 1,7%).

Положительная оценка в прозе В.М. Шукшина дается за образ мыслей / жизненную позицию – 17%; трудолюбие – 14,5%; воспитание / хорошие манеры – 11,9%; хорошую работу – 11,3%; действия / поступки – 10%; достижения / заслуги – 9,2%; знания / стремление к учебе – 8,1%; интеллект – 7,5%; намерения – 6,1%; внешний вид – 4,4% [15, с. 81].

В рассмотренных нами коммуникативных стратегиях похвалы в произведениях К.Н. Леонтьева и В.М. Шукшина различий не так много, но они весьма значимы. Если в произведениях К.Н. Леонтьева наиболее частотны положительные оценки таких качеств, как красота и доброта, то в произведениях В.М. Шукшина положительную оценку преимущественно заслуживают физическая сила, природная стать,

крепкое здоровье. Таким образом, эстетический аспект в коммуникативных стратегиях похвалы за внешность преобладает в прозе Леонтьева, а в произведениях Шукшина похвала внешности имеет прагматический оттенок, что связано с условиями существования героев обоих авторов. В книгах Леонтьева мы видим описание жизни сословия, уже сошедшего с исторической сцены в XX в. В произведениях Шукшина отражены не выпестованные веками, а нарождающиеся, трудно приобретаемые народом такие качества, как языковая и поведенческая культура, привычка к интеллектуальному труду [13, с. 95]. Поэтому в повестях Леонтьева мы встречаем положительную оценку за умственные способности (наряду со светскими навыками и умениями), а в рассказах Шукшина превалирует положительная оценка за образованность, знания и стремление к их приобретению.

Коммуникативной целью порицания является выражение отрицательной оценки, которая, как выяснилось в результате исследования, носит в большей степени морально-этический характер. Порицание героями К.Н. Леонтьева по критерию «функциональное назначение» можно представить следующим образом: за неправильные действия – 28%; неправильный образ жизни – 19%; нарушение морально-этических норм – 9%; обман, неправду – 7,5%; отсутствие вкуса – 4%; необразованность / низкий интеллектуальный уровень, намерение, клевету – по 3,8%; непрофессионализм; преступление, пьянство – по 2,5%; за жадность, неумение жить, внешний вид, межсословные отношения, нарушение норм поведения, злобу (моральное качество), ревность (моральное качество), черты характера, физическое состояние, неискренность – по 1,3% [12, с. 89].

Самым частотным в прозе К.Н. Леонтьева, как видно из материала, представленного выше, является порицание за неправильные действия:

– Вы, сударыня… Вы очень гадко и подло поступаете! [14, с. 66].

– Зачем вы подзывали ее! Мне стало больно от смеха, – сказал я, отворачиваясь [Там же, с. 84].

В результате анализа коммуникативных стратегий порицания в прозе В.М. Шукшина было установлено, что в сферу оценки попадают: интеллектуальные способности человека, его образованность; поведение человека, речь как проявление его внутреннего мира; физические данные, внешний вид человека, которые оцениваются как со стороны врожденных, онтологических признаков, так и со стороны социальных, поведенческих. Процентное соотношение параметров, лежащих в основе выражения порицания по критерию «функциональное назначение», выглядит следующим образом: за неправильный образ жизни – 18,7%; обман / неправду – 16,2%; неискренность (воспитание, манеры) – 15,1%; пьянство – 12,7%; преступления / действия – 11,3%; жадность / жизненную позицию – 10,7%; слабость – 7,8%; намерение – 4,7%; отсутствие вкуса / мещанское мировоззрение – 1,5%; внешний вид – 1,3% [15, с. 102].

Анализ диалоговых единств, представляющих стратегии порицания, показал, что чаще встречается порицание поступков, выходящих за рамки общепринятой нормы поведения, порицание пороков: пьянства, лени, жадности, жестокости. Таким образом, отрицательной оценки заслуживает неправильный образ жизни. Реже всего порицаются внешний вид, бедность, отсутствие вкуса.

Необходимо отметить, что самопорицание как вид коммуникативной стратегии порицания в прозе К. Леонтьева встречается гораздо чаще, чем в прозе В. Шукшина [12, с. 90]. Так, примерно 12% из всего количества примеров порицания в рассказах писателя XIX в. выражают отрицательную оценку, направленную на самого себя (за отсутствие вкуса, неправильные действия, низкий интеллектуальный уровень, за обман / неправду и т. д.):

– Ну а я, грешник, признаюсь, смерть, бывало, не люблю, как от нее чем-нибудь кухонным пахнет [14, с. 28].

– Что я? ну, что я?.. Хлам, чистый хлам; не понимаю, из чего жить хлопотал?.. [Там же, с. 32].

И Леонтьев, и Шукшин в своих произведениях отразили особенности национального характера в языковой картине мира русских людей. Так, Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая считают, что в наиболее полной мере особенности русского национального характера проявляются в трех уникальных понятиях русской культуры: «душа», «судьба» и «тоска». Исследователи это доказывают, опираясь на несколько семантических характеристик, образующих смысловой универсум русского языка: эмоциональность, иррациональность, любовь к морали и др. [1; 2]. Это подтверждает и анализируемый нами материал.

Таким образом, произведения Леонтьева и Шукшина являются ярким выражением национальных особенностей речевого поведения и его изменений на протяжении более чем 100 лет. Повести и рассказы писателей иллюстрируют эти изменения, помогая нам проследить трансформацию народных представлений о положительной и отрицательной оценке, выраженную в прагмалингвистическом аспекте.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. М.: Яз. рус. культуры, 1995. Т. 2.
2. Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М., 1996.
3. Владимирова Т.Е. Призванные в общение: русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.: Книга, 2007.
4. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: дис. … д-ра филол. наук. Красноярск, 2006.
5. Леонтович О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире. М.: АСТ, 2005.
6. Ларина Т.В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи: сб. ст. М.: РГГУ, 2005. С. 150–160.
7. Прохоров Ю.Е. Русское коммуникативное поведение. М.: Гос. ин-т рус. яз., 2002.
8. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура // Дискурс: новое в лингвистике. Вестник ВГУ. Сер. 1: Гуманитарные науки. 1996. №2. С. 45–64.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000.
10. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Яз. слав. культуры, 2002.
11. Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста: на материале художественной прозы В.М. Шукшина: дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2009.
12. Хрипунова Е.В., Черницына Т.В. Порицание как оценочная стратегия в художественной прозе (на материале произведений К.Н. Леонтьева и В.М. Шукшина) // Филология: междунар. науч. журн. Волгоград: Изд-во «Научное обозрение», 2016. № 3 (3). С. 88–90.
13. Хрипунова Е.В., Черницына Т.В. Коммуникативная стратегия похвалы как оценочная стратегия в художественном тексте (на материале прозы К.Н. Леонтьева и В.М. Шукшина) // Инновационная наука: междунар. науч. журн. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. № 2, ч. 5. С. 92–96.
14. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 5 т. Екатеринбург: Посылторг, 1994. Т. 3.
15. Черницына Т.В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2013.

* * *

1. Apresjan Ju.D. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija // Izbrannye trudy. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1995. T. 2.
2. Vezhbickaja A. Jazyk, kul'tura, poznanie. M., 1996.
3. Vladimirova T.E. Prizvannye v obshhenie: russkij diskurs v mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Kniga, 2007.
4. Kulikova L.V. Kommunikativnyj stil' kak problema teorii mezhkul'turnogo obshhenija: dis. … d-ra filol. nauk. Krasnojarsk, 2006.
5. Leontovich O.A. Komp'juternyj diskurs: jazykovaja lichnost' v virtual'nom mire. M.: AST, 2005.
6. Larina T.V. Faticheskie jemotivy i ih rol' v kommunikacii // Jemocii v jazyke i rechi: sb. st. M.: RGGU, 2005. S. 150–160.
7. Prohorov Ju.E. Russkoe kommunikativnoe povedenie. M.: Gos. in-t rus. jaz., 2002.
8. Sternin I.A. Kommunikativnoe povedenie i nacional'naja kul'tura // Diskurs: novoe v lingvistike. Vestnik VGU. Ser. 1: Gumanitarnye nauki. 1996. №2. S. 45–64.
9. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. M.: Slovo / Slovo, 2000.
10. Shmelev A.D. Russkaja jazykovaja model' mira: materialy k slovarju. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2002.
11. Hisamova G.G. Dialog kak komponent hudozhestvennogo teksta: na materiale hudozhestvennoj prozy V.M. Shukshina: dis. … d-ra filol. nauk. Ufa, 2009.
12. Hripunova E.V., Chernicyna T.V. Poricanie kak ocenochnaja strategija v hudozhestvennoj proze (na materiale proizvedenij K.N. Leont'eva i V.M. Shukshina) // Filologija: mezhdunar. nauch. zhurn. Volgograd: Izd-vo «Nauchnoe obozrenie», 2016. № 3 (3). S. 88–90.
13. Hripunova E.V., Chernicyna T.V. Kommunikativnaja strategija pohvaly kak ocenochnaja strategija v hudozhestvennom tekste (na materiale prozy K.N. Leont'eva i V.M. Shukshina) // Innovacionnaja nauka: mezhdunar. nauch. zhurn. Ufa: AJeTERNA, 2016. № 2, ch. 5. S. 92–96.
14. Shukshin V.M. Sobranie sochinenij: v 5 t. Ekaterinburg: Posyltorg, 1994. T. 3.
15. Chernicyna T.V. Kommunikativnye strategii pohvaly i poricanija v idiostile V.M. Shukshina: dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. Volgograd, 2013.

Considering the issue of the national communicative behaviour and its reflection in fiction texts (pragmalinguistic aspect)

The article deals with the concept "communicative behaviour", "communicative strategy". As the result of thepragmalinguistic analysis of the Russian national communicative behavior of the fiction prose characters implemented in the communicative strategies of praise and blame, the authors find out the common and distinctive features of their functioning in the prose of two Russian writers separated by a century: K.N. Leontiev and V.M. Shukshin. The attention is focused on the comparison of positive and negative semantics of thecommunication strategies, based on the material with evaluation vocabulary.

Key words: *negative evaluation, communicative behaviour, communicative strategy, praise, blame, positive evaluation, evaluation vocabulary.*

(Статья поступила в редакцию 29.11.2016)

А.И. ЛЫЗЛОВ
(Смоленск)

ЯЗЫКОВАЯ ОЦЕНКА В ОТРАЖЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ГРЫЗУНОВ (на примере образов «мышь» и «крыса»)

Рассматриваются английские паремии, описывающие концепты «мышь» и «крыса». Данные образы отражают оценочные значения. Английские паремии, раскрывающие образы грызунов, исследуются на предмет объективации когнитивно-оценочных признаков. Оценка, выражаемая паремиями, изучается на основании примеров, взятых из англоязычной литературы.

Ключевые слова: *английские паремические единицы, оценка, событие, концепт, образ.*

Зоонимы с древних времен являются богатым источником образного переосмысления. Их многообразие и частотность позволяют говорить о том, что модель «человек – животное» относится к числу базисных, или «корневых», метафор [6, с. 39].

Целью данной работы является изучение аксиологического потенциала образов «мышь» и «крыса». Данные образы рассматриваются на материале фразеологизмов. Фразеологический корпус неоднороден. Мы рассматриваем пословицы и поговорки как часть фразеологии. Большинство исследователей относят пословицы и поговорки к фразеологизмам из-за наличия у них следующих признаков: связное (фразеологическое, идиоматическое) значение, устойчивость компонентного состава, воспроизводимость в готовом виде, экспрессивно-оценочная окрашенность [1, с. 567; 2, с. 148].

Понятия о добре и зле в рамках фразеологических текстов раскрываются в виде некоей типизированной ситуации, являющейся образной основой для паремии. В этой связи применимо понятие «аксиогенная ситуация» [3, с. 26], которое разрабатывает В.И. Карасик. Это положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление.

Животные в представлениях наших предков занимали промежуточное положение между человеком и природой. Они ближе к человеку своей физиологией и повадками, чем представители неодушевленной природы, более понятны ему. Человек при своем неизбежном столкновении с миром животных дает этой обширнейшей среде ряд оценок и классификаций. Элементы наивной рефлексии имеют концептуальный характер. Человек отмечает особенности поведения животного, соотносит их с характером поведения отдельных представителей социума, в результате чего, при наличии ассоциативно-сходных черт, рождаются фразеологические словосочетания. Л. Леви-Строс отмечал, что зоонимические образы раскрывают целую совокупность отношений, которые имеют как конкретные, так и умозрительные черты. Виды, наделенные какой-либо замечательной для данного коллектива чертой – формой, окраской или запахом, являются для примитивного наблюдателя знаками специфических, скрытых свойств. Данные «открытия» имеют умозрительный характер и санкционированы природой [4, с. 125].

Мыши и крысы как образный элемент семантики фразеологизмов в основном призваны отражать пейоративные смыслы, они ассоциируются с землей, смертью, изворотливо-

© Лызлов А.И., 2017